

Александр Вельтман

Эротика

Александр Фомич Вельтман

Эротида

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=630695

А. Ф. Вельтман. Повести и рассказы: Советская Россия; Москва; 1979

Аннотация

Разносторонность интересов и дарований Александра Фомича Вельтмана, многогранность его деятельности поражала современников. Прозаик и поэт, историк и археолог, этнограф и языковед, директор Оружейной палаты, член-корреспондент Российской академии наук, он был добрым другом Пушкина, его произведения положительно оценивали Белинский и Чернышевский, о его творчестве с большой симпатией отзывались Достоевский и Толстой.

В повести «Эротида» мы узнаем о стремлении автора противопоставить надуманным сюжетам животрепещущую тему реальной жизни. Она названа во вступлении: «На что женщина может решиться из любви». Однако знакомство с повестью убеждает, что проблемы, затронутые в ней, дают возможность гораздо шире и глубже исследовать причины трагической судьбы молодой женщины.

Содержание

Часть I	7
I	7
II	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Александр Вельтман

Эротика

Это было, кажется, в прошедшем году в августе месяце... точно.

Званые гости съехались в один дом праздновать *красный день* хозяйки.

Семейство было *средней руки*, жило не на *большую ногу*. Обед был вкусен и весел. Хозяин пил за здоровье гостей, гости за здоровье молодой хозяйки и поэта: так величали добрые приятели самого хозяина, который – не при нем будь сказано – умел слагать стихи, вроде «*на прыщик Делли*», и сочинять журнальные повести.

После обеда, по обычаю, дамы пошли в гостиную, мужчины уединились в кабинет жечь табак.

После-обеда, в обществе, в беседе приятельской, есть живой журнал. В это время выполняются экспромтом все статьи тяжелой и легкой литературы, критики и смеси.

В одном углу, с сигаркою в зубах, сидит тучная статья сельской промышленности и хозяйственной экономии, под заглавием: *о пользе свеклы и картофеля*. В другом углу, раскинувшись на диване, *философия* трактует о различии философии и филозофии; подле *филологическая статья* доказывает, что слово филология составлено из $\phi\iota\lambda\omicron\varsigma$ – друг и $\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$ – слово; что французское слово *filou* – мошенник, об-

манщик – имеет корнем своим также слово φιλος, получившее превратный смысл с тех пор, как люди стали употреблять слово *друг* как лучшее оружие для обмана; и что от слова λογω – говорю – происходит русский глагол *лгу*, ибо *говорю* и *лгу* некоторым образом синонимичны.

Тощее *стихотворение*, затянувшись украинским вахштафом, ходит Эолом по комнате и ропщет про себя куплеты.

Историческая статья, заложив руки в боковые карманы, излагает свое мнение о хаосе времен и народов; *механика* – о различии стремления к центру и от центра; *мета-механика* – о законах духовных движений в природе; *геология* – о расширении толщи земной; *ботаника* – об общественной и частной жизни растений.

Но частные разговоры сливаются наконец в *смесь*. Внимание общее к слухам, новостям, островам, городским сплетням... Только *критика* сидит надувшись, слушает и прислушивается, смотрит и всматривается, все видит и ненавидит.

После-обед происходит незаметно. Цель жизни исполняется: пища варится хорошо, душа не тоскует, не измеряет времени.

Так началось *после-обед* и у поэта. Сперва поступила философическая статья: *что такое женщина?* потом механическая: *о стремлении к сердцу и от сердца*; потом астрономическая: *о светилах любви*; потом агрономическая: *о возделывании женской души и о причинах неурожая семейственного счастья*; потом начался критический разбор женщины

во всех отношениях; потом смесь, рассказы, анекдоты...

– Я не умею рассказывать, – сказал хозяин, – но прочту вам быль о том, на что женщина может решиться из любви.

– Очень, очень рады! – вскричали некоторые из гостей, но большая часть нахмурилась при слове *чтение*. Поэт этого не заметил, вынул тетрадку из конторки, поставил перед собой стакан воды и начал читать следующее.

Часть I

Бригадир. – В наше блаженное время. – Женихи. – Улан. – Он знает приличия

I

Около 25 лет тому назад бригадир Хойхоров (предок его был вывезен с Кавказа) доживал свой век в поместье, высочайше дарованном ему за заслуги. Он был из числа тех людей, которые хвалят только свое прошедшее, любят старые привычки, как старое вино, не видят добра в будущем и думают, что все окружающее их теряет свою силу, свою красоту, портится, клонится к разрушению.

Воспоминание о прошедшем имеет какую-то особенную приятность, но у старожилы нашего времени есть какая-то чудная страсть или, может быть, и пристрастие к временам Екатерины. Когда они заведут речь о своем *прошлом*, на щеках их выступает румянец, в очах заблещет молния.

«Теперь все коротко: и платье, и ум, и жизнь людей. Где теперь такие люди, какие бывали в наше время? – Румянцев, Потемкин, Орлов, Суворов, Шереметев... Истинные вель-

можи славою, честью и богатством!

Бывало, Петр Борисович или Николай Петрович вздумают попить, созвать гостей в Останкино, в Кусково... Вся дворня во французских, шитых золотом кафтанах!.. От заставы Московской вплоть до дачи огорожат собою дорогу по обе стороны сорок тысяч душ Московской губернии: мужички, купцы да крестьяне, тысячники да миллионщики, в синих бархатных да плисовых кафтанах, а молодички и девички в парче, увешаны жемчугом, накрыты золотой фатою!.. А поедет сам цугом, в раззолоченной карете, в золоченых шорах, впереди скороходы, сзади гайдуки в сажень!.. За ним вся знать московская. А в Кускове сто поваров обед готовят. А обед часов пять тянется; носят, носят, золотым блюдам счета нет!.., откушают – почетные садятся играть в *преферанс*, в *ламуш*, в *панфил*, в *тресет*, в *басет*, в *марьяж*, в *ломбер*... Дамы идут прогуливаться в сад, деревья от маковки до корня унижены ананасами, апельсинами, персиками... На пруду раззолоченная шлюпка, роговая музыка гремит, как на страшном суде. Потом театр воздушный... что за актеры!.., а все доморощенные!.., про кулисы и говорить нечего: машина на машине – сами двигаются!.. Потом откроется бал... пойдут *полонез*, *пергурдин*, *манимаску*, *менуэт*... А что за наряды! Боже великий!.., одного золота да блесков, что на пол просыплется, нашему брату на целую жизнь на пропитанье достало бы – полотеры пудами на выжигу продают!..

Бывало, сама государыня дивится: ну, – говорит, – Нико-

лай Петрович, богат ты и тороват! угостил! где нам за тобой тягаться?»...

Таким образом и бригадир Хойхоров видал прохождение небесных и земных комет и не дивился звездам.

Пережив жену свою, он остался с единокровной своею дочерью *Эротидой* (он любил мудреные греческие имена и при рождении дочери выбрал это имя из *Гипотипозиса*, или из *Полного месяцеслова*); ему понравилось имя Эротиды – любовь на лице являющая.

Он взялся сам воспитывать дочь свою. – Не поручу, – говаривал он еще жене своей, – не поручу ее ни *мадаме*, ни *мусье*.

– Помилуй, батюшка мой, – говаривала ему жена, – да ты только и знаешь, что свой артикул! – Но с женою умерли противоречия, и бригадир, нарядив дитя в амазонское платье, купил ему для забавы деревянных солдатиков, ружье, барабан, коня на колесах...

«Эротиды будет у меня хват девка!» – думал он. – Ну, Эротенька, марш, марш! – и Эротенька, перекинув через плечо перевязь барабана, взяв в руки ружье, маршировала пред отцом, – отец любовался.

Когда Эротиде минуло 12 лет и деревянный конек стал уже ей не по росту, бригадир выучил ее ездить верхом, брал с собою в отъездное поле. Изучение же наукам, т. е. чтению, письму и Закону Божию, поручил своему сельскому священнику отцу Лазарю, доброму старцу, любившему слушать

бригадирские рассказы о воинских подвигах.

Вместе с бригадиром постарел и деревянный дом его, и все дворовые строения. Стены и кровли почернели, обросли мохом и муравою. Но кому не понятна любовь к *привычному месту!* кто не чувствовал какой-то неловкости, когда в его комнате старая мебель заменялась новой?

Все стены держались только подставами, а бригадир и не думал о перестройке дома.

– Вот уже! сколько могу припомнить, ваше превосходительство, – говаривал ему отец Лазарь, – домик-то ваш при мне стоит десятка четыре лет, а строился он до предместника моего... из опасенья бы изволили перестроить...

– И, братец, – отвечал обыкновенно бригадир, – простоит еще с меня; что мне в новых палатах? Теперь архитекторы, упаси Боже, построят дом, ни приюту, ни тепла, да еще того и гляди провалится, задавит. Вот, недалеко пример, у соседа... как бишь?.. Ну, да провал его возьми, и вспоминать не стоит!

– Касьян, Касьян... дай Бог память!..

– Какой Касьян, братец, я сроду ни одного Касьяна не знал, а с его отцом был закадычный друг. Сын мотыга, гордец, француз, построил себе дом в Москве, переехали жильцы. Первый снег – стропилы не выдержали, рухнулись, потолок провалился, всю, братец, семью было передавил...

– Слышал, слышал, ваше превосходительство... дом Григория Михайловича...

– Пора, отец Лазарь, надуматься. Да ты скоро забудешь,

как свиных детей зовут...

– Виноват... ваше превосходительство.

– То-то, братец, ну, ступай, ступай, учи Эротиду...

– Хотел было я... изложить мою просьбицу... ваше... превосходительство...

– Что, верно, опять на посев хлеба? Нет, отец Лазарь, начинать закрома для тебя не буду.

Таково было обхождение бригадира со всеми; немножко грубо, но зато простодушно. Слова *вы* от него никто не слышал; для приличия он не хотел отступать от грамматического правила. Но, грубо говоря, он был добр на деле. Священник был уверен, что на другой же день будет ему прислано с господского двора и жита, и проса, и ячменю, и овса. Соседи его любили и съезжались к нему раза два в год, в торжественные дни и *праздники в кругу*.

Только молодежь поотучил он от себя. Его первый вопрос был: «А тебе, братец, который годок?.., пора, пора на службу! в двадцать лет стыдно соску сосать!.., на службу, на службу, и не показывайся мне на глаза до капитанского чина; ну, в капитанском чине можно и в отпуску побывать».

Таким образом, круг бригадира ограничивался *живыми преданиями глубокой старины*.

Мужчины в пудренных париках, с сальными косами, с мешочком на конце вроде хлопущки, в шитых золотом бархатных или атласных кафтанах с пуговицами фарфоровыми, стальными, шитыми блестками, с медальонами, в плисовых

сапогах...

Дамы постарше – в громадных атласных *калшах* на проволочке, с блондами вокруг лица, с бочками вместо фижм, в пышных *полонезах*, с прорезами сбоку, в которые продевались полы атласной юбки и висели, как *драпри* окон из двух разноцветных шелковых материй.

Дамы средних лет, за полвека, в чепцах *суворовские* или в прическе, обильной *кудрями*, сверх коей *шифоне* из индийского шелка соединялся с унизанным жемчугом черным *бордоном*, продетым сквозь прическу; в *мантильях* с длинными полами и капишоном; в башмаках белых, вышитых блестками и стальными бусами, с каблуками с два вершка вышины, с носками, как нос стерляди.

Дамы же молодые, еще не прожившие половины столетия, красовались прической из волос, напудренных и взбитых вроде лебяжьего пуха; несколько разноцветных перьев расстилались по одной стороне головы; их одежда не отставала от моды, их платья были в три полотнища, талия под мышкой; белая шея прикрывалась прозрачным кисейным платком; дебелые руки обнажены до плеча, но в лайковых длинных перчатках; на ногах *марокские* башмачки красного цвета.

Все они ласкали 14-летнюю Эротиду, называли малюткой, обходились как с ребенком и только что не брали ее к себе на руки.

II

Таков был бригадир, вся родня и все соседи его; но дочь его, Эротиды, была чудная девушка. Несмотря на то что воспитание отцовское готовило ее в драгунскую службу, Бог весть где переняла она все женское, все милое, привлекательное. Несмотря на то что отец учил ее фрунтовому шагу, она шагала не в аршин; ножку ее нельзя было назвать ногой, потому что и на 14 году, укладывая ее в башмачок, как в колыбельку, можно было припевать: «Баю-баюшки-баю, баю крошечку мою!» Глаза Эротиды были чернее всего на свете, а ресницы подобны тем, которые Фирдевси сравнил с копьем героя Кива в башне Пешена; ее волосы, распущенные локонами до плеч, были самого лучшего каштанового цвета, любимого всеми веками, исключая то время, когда была мода на рыжих да красных. Стан ее был величествен, перехват тонок, грудь пышна, шея бела, румянец пылок.

И вся она была ангел, в котором еще нет зародыша разрушения, который еще не отравлен горем жизни, не заражен злыми привычками окружающих. Это была дитя-дева, не прикованная еще к земле ни страхом, ни надеждами.

Не рассыпайте же перед ней, люди, семя ласкательства, не маните на корм эту птицу небесную!., не вынуждайте ее любить вас, не требуйте клятв на постоянство, не топите ее в своих желаниях!., дайте налюбоваться на диво Божие, дайте

помолиться на нее! Когда пахнет тление, прикоснется и до нее холодная рука времени, – тогда возьмите ее себе!

Настал Эротиде 15-й год. Друг бригадира, богатый сосед, холостяк, отставной секунд-майор, которого грудь была украшена золотым крестом Очаковским, который страдал подагрой лет за 30 до рождения Эротиды, сделал следующее предложение другу своему:

– Послушай, братец; ты знаешь, я жизнь провел аккурат-но, без долгов, имею состояньице и, слава Богу, силы... Мы, братец, с тобою друзья давние, искренние... отчего бы и не породниться... благо есть случай... твоя Эротида... невеста, братец...

– И, братец, – отвечал ему бригадир, – у Эротиды есть уже один дряхлый отец, к чему ей навязывать на шею другого!..

Разобидели эти слова секунд-майора; перестал он ездить в дом к своему другу.

Таким образом Эротида избавилась от одного жениха.

Явился другой. Он вручил бригадиру письмо от своей тетушки, старого друга покойной бригадирши.

– Рад, рад знакомству, – сказал бригадир, прочитав письмо, в котором мельком упоминалось о будущности Эротиды и потом следовала длинная рекомендация вручителю письма.

– Рад, рад знакомству! – повторил бригадир, – а что, батюшка, где изволишь служить?

– Я служил в 1-м Мушкатерском полку капралом, но по

домашним обстоятельствам вышел в отставку; а теперь-с, после родителей, полный хозяин имения и буду очень счастлив...

– Молоденек еще, молоденец, государь мой, служить бы да служить.

– Здоровье не позволяет-с.

– А, дело другое; точно, знаю по себе, служба требует сил и здоровья, точно так же, как и женитьба. Ну, что ж делать, лечиться, лечиться должно; а у нас в уезде прекраснейший лекарь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.